

Его лицо, освещённое слабым светом из окна, казалось ещё более суровым из-за шрама на надбровной дуге. Он молча смотрел в темноту несколько мгновений, прежде чем развернуться и спуститься вниз.

На первом этаже царила тишина: Шэнь Цинчи уже спал. Шэнь Фан включил свет в гостиной и достал из ящика журнального столика несколько коробок с лекарствами.

Сначала он принял обезболивающее, затем вскрыл упаковку с лечебными пластырями и с привычной ловкостью наклеил три штуки на руку, полностью скрыв ужасные шрамы. После этого он взял эластичный бинт и начал туго обматывать руку от локтя до запястья.

Предплечье пульсировало от боли и онемения, даже малейшее движение запястьем давалось с трудом. Пальцы почти не слушались, а жгучая боль, словно огонь, распространялась по нервам и костям. Это заставило его вспомнить тот дождливый вечер шесть лет назад, когда он, защищая Шэнь Цина от преследователей, получил удар по руке.

Он помнил взгляд Шэнь Цина в тот момент. На лице этого всегда улыбающегося хищника мелькнула редкая растерянность. Казалось, он не ожидал, что младший брат пожертвует собой ради него, так же как не ожидал, что тот подставится под удар намеренно.

Шэнь Фан холодно усмехнулся.

Он поднялся и направился к спальне, где спал Шэнь Цинчи.

Сын Шэнь Цина вторгся в его дом.

Словно добыча, сама пришедшая на территорию хищника.

Дверь в спальню была приоткрыта. Шэнь Цинчи, казалось, полностью доверял ему, несмотря на инцидент с Чжоу Ванъянем, едва не ворвавшимся в комнату. Он не принял никаких мер предосторожности.

А ведь Шэнь Фан всего лишь сказал пару слов в его защиту за обеденным столом.

Этот юноша был слишком наивен. Перед ужином, при их встрече, Шэнь Фан даже подумал, что слова Шэнь Цинчи были сказаны намеренно, но теперь стало ясно — он ошибался.

Да, его племянник всегда был таким: покладистым до слабости, искренним до глупости. Именно поэтому его так легко обижали.

Даже Чжоу Ванъянь, только что вернувшийся в семью Шэнь, мог безнаказанно топтать его.

Шэнь Фан открыл дверь, и свет из гостиной упал в комнату.

Юноша крепко спал. Возможно, из-за духоты, он сбросил одеяло, и его руки и ноги были полностью открыты.

Шэнь Фан взглянул на тонкие, изящные ноги юноши, которые при свете казались ещё более бледными и гладкими. Контуры выступающих лодыжек были чёткими, изящный изгиб стопы плавно переходил в округлые пальцы с блестящими ногтями.

Его взгляд задержался на мгновение, а брови нахмурились.

Взгляд медленно пополз вверх по ногам, скользнул по обнажённому участку живота, где

задралась одежда, и остановился на полностью открытой груди.

Брови Шэнь Фана сдвинулись ещё сильнее.

В комнату внезапно ворвался влажный холодный ветер. Он повернул голову и увидел, что окно на балконе распахнуто.

Пальцы, лежащие на дверном косяке, сжались. словно больше не в силах терпеть, он шагнул в комнату.

Он резко расправил скомканное одеяло, укрыл юношу с головы до ног, тщательно заправил уголки, затем закрыл окно, через которое просачивался дождь. Только тогда его брови разгладились.

После этого он вышел и закрыл дверь.

На следующее утро Шэнь Цинчи проснулся от жары.

Увидев плотно укутавшее его одеяло и наглухо закрытые окна и дверь спальни, его лицо исказилось от ужаса.

Кто это сделал?!

Вчера вечером он специально сбросил одеяло, оставив большую часть тела открытой, и намеренно открыл дверь и окно, чтобы прохладный сквозняк дождливой ночи помог ему простудиться. Если бы у него поднялась температура, он мог бы под этим предлогом остаться в доме Шэнь Фана.

Но что теперь?

Лицо Шэнь Цинчи исказилось. Он сел, потрогал лоб — кожа была прохладной, даже слегка влажной от пота. Никакого намёка на жар.

В доме, кроме него, был только Шэнь Фан. Значит, это он укрыл его одеялом... Хм...

Шэнь Фан встал посреди ночи, чтобы укрыть его?

Шэнь Фан... укрыл одеялом...

Шэнь Цинчи пребывал в полном недоумении. В оцепенении он умылся и, выйдя из комнаты, сразу же почувствовал насыщенный аппетитный аромат.

Он с изумлением наблюдал, как Шэнь Фан вышел из кухни, снял фартук, отложил его в сторону и поставил на стол только что приготовленные яйца и бекон:

— Поешь.

Молоко, грецкие орехи, фартук... Образ Шэнь Фана в сознании Шэнь Цинчи постепенно рушился и формировался заново.

Шэнь Фан никак не отреагировал на его изумление, спокойно сел и пододвинул бутылку свежего молока на другую сторону стола:

— Пей.

Дневная порция молока была всего одна бутылка. Из-за хранения в холодильнике на стекле выступили мелкие капли конденсата.

Шэнь Цинчи поспешно замахал руками:

— Нет-нет, я вчера уже выпил — ту бутылку из холодильника. Я увидел, что срок годности истекает сегодня, так что...

Он отодвинул бутылку обратно к Шэнь Фану:

— Лучше ты её выпей.

Увидев отказ, Шэнь Фан не стал настаивать и начал собирать себе сэндвич:

— После еды уходи.

Шэнь Цинчи: «...»

Он действительно не хотел, чтобы тот задерживался ни на минуту.

Если не хочет меня оставлять, зачем тогда укрывал одеялом?!

План Шэнь Цинчи был разрушен, и он не мог понять, что чувствует. Молча он взял ломтик хлеба — тот, казалось, был поджарен и пах восхитительно.

Он украдкой взглянул на Шэнь Фана и в точности повторил его действия: положил сыр, бекон, ломтик помидора, яйцо и лист салата, а затем накрыл всё сверху ещё одним ломтиком хлеба.

Он никогда раньше не ел таких роскошных сэндвичей и не знал, пробовал ли их оригинальный хозяин тела.

Они ели молча. Шэнь Цинчи украдкой наблюдал за Шэнь Фаном, замечая, что его правая рука была забинтована до запястья, а запах лечебного пластыря стал ещё сильнее, чем вчера, настолько, что перебивал даже аромат завтрака.

Все свои действия — брал тарелку, держал палочки — он выполнял левой рукой.

Может, Шэнь Фан... всю ночь мучился от боли и не мог уснуть, поэтому встал посреди ночи, проверил его и случайно укрыв одеялом?

Если это так, то его холодное отношение можно понять. Кто угодно стал бы раздражительным, страдая от боли, и не стал бы много говорить с малознакомым человеком.

Подумав об этом, Шэнь Цинчи наконец решился осторожно спросить:

— Эм, дядя, я...

Шэнь Фан поднял на него взгляд.

Его тёмные глаза были глубокими и выражали неприкрытую холодность. Шэнь Цинчи вздрогнул и сразу же замолчал.

Он поспешно опустил голову и продолжил есть в тишине, не решаясь больше говорить. Когда завтрак закончился и Шэнь Фан встал, чтобы убрать со стола, Шэнь Цинчи тоже поднялся:

— Дядя, я...

Шэнь Фан взглянул на него, словно не желая слышать никаких просьб. Шэнь Цинчи, собравшись с духом, выпалил:

— Я помою посуду перед тем, как уйти.

Пальцы Шэнь Фана на мгновение замерли. Шэнь Цинчи воспользовался моментом и забрал тарелку из его рук.

Он быстро собрал посуду, отнёс на кухню и начал мыть. Шэнь Фан, скрестив руки на груди, прислонился к дверному проёму и наблюдал за его спиной.

Спустя некоторое время он развернулся и ушёл.

Когда Шэнь Цинчи закончил мытьё и вышел из кухни, он увидел Шэнь Фана, сидящего на диване с бутылкой свежего молока в руке. Его кадык двигался, когда он сделал последний глоток.

Выпив молоко, он, казалось, почувствовал себя лучше. Поставив стеклянную бутылку на журнальный столик, он кивнул в сторону Шэнь Цинчи:

— Когда будешь уходить, положи это в молочный ящик у двери.

— А, хорошо, — сразу же согласился Шэнь Цинчи, взял бутылку и помыл её вместе со вчерашней.

Он быстро собрал свои вещи и сказал Шэнь Фану:

— Дядя, я пошёл?

— Угу, водитель ждёт тебя снаружи.

Шэнь Цинчи взглянул на него, подумав, что тот даже не проводит его, хотя бы для виду. Не сказав ничего, он взял бутылки и направился к двери.

— Подожди, — внезапно остановил его Шэнь Фан.

Шэнь Цинчи обернулся:

— Что такое?

Шэнь Фан, неизвестно когда поднявшись, подошёл к нему сзади:

— Молния не застёгнута.

Шэнь Цинчи услышал звук застёгивающейся молнии на рюкзаке и поспешно сказал:

— Спасибо.

Он не заметил, как Шэнь Фан тем временем сунул что-то в боковой карман его рюкзака.

Шэнь Цинчи вышел из дома, огляделся и в конце концов нашёл молочный ящик у ворот. Ящик не был заперт. Он положил бутылки внутрь, плотно закрыл дверцу и сел в машину,

припаркованную неподалёку.

*

Проводив машину взглядом, Шэнь Фан стоял у окна, разминая затекшее тело.

Дождь полностью прекратился, снаружи светило яркое солнце, небо было чистым, а листья растений, промытые дождём, сияли свежестью.

<http://bllate.org/book/16296/1469442>